

L I F E S T Y L E

С у д ь б а

Рябиновый ожог Рудольфа Нуриева

Арт-журнал прил. к журналу "Арт" № 14

Я хотел бы, чтобы мой танец производил такое же впечатление, как и картина великого художника. Пусть мной восхищаются, пусть меня ненавидят, но пусть никто не останется равнодушным.

Рудольф НУРИЕВ

Прошло почти два года без Рудольфа Нуриева. Впрочем, скорее наоборот: с Рудольфом Нуриевым. Ведь за это время мы столько узнали о нем, сколько не могли узнать за всю его жизнь. Нет пророков в своем Отечестве. Не раз мы убеждались в этой истине, но ничему не научились. И продолжаем терять своих пророков. А когда они уходят... мы начинаем каяться, заглаживать свою вину, воздавать должное. Так получилось и с Рудольфом Нуриевым. Тридцать лет он был оторван от нас, а мы - от него. И даже забыли, как правильно пишется его фамилия.

чайно в свой приезд в Ленинград в 1989 г. он скажет перед телекамерой: "Сцена - основа, все, что за ней происходит, - это моя страна, моя национальность, мое место жительства".

У Нуриева не были идеальны пропорции тела (это потом, с годами он довел себя до физического совершенства нечеловеческой, сжигающей, сокращающей жизнь работой), но экспрессия, захлестывающая эмоциональность, темперамент делали его танец божественным, и равнодушным он не оставлял никого.

На одном из отчетных годовых концертов в маленьком театре хореографического училища, где проходили практику учащиеся, на сцену вышли Рудольф Нуриев и Алла Сизова. Все заговорили о них как о явлении из ряда вон выходящем. "Это был совершенный феномен, - вспоминает главный балетмейстер Мариинского театра Олег Виноградов. - Они танцевали так, как никто до них не танцевал. И потом, когда они занимались, репетировали, мы не пропускали случая посмотреть".

Он танцевал все вариации подряд. И женские тоже. Одетту, Одиллию... Он танцевал перед телекамерой, между уроками. Фуэте? Нет проблем! Надо - значит, надо! У него была какая-то одержимость. Одержимость танцем и культурой в целом.

Скандальный танцовщик

Когда Рудольф выпускался, это был уже танцовщик с будущим. Его приняли в труппу Кировского театра. Он не танцевал маленькие партии, не танцевал в кордебалете, хотя в театре было принято, что первый год все должны танцевать в кордебалете. А он сразу стал солистом. "Он танцевал, как Бог, - рассказывает балерина Мариинского театра Галина Иванова-Ступникова. - Это трудно объяснить. От одного его такого кошачьего выхода мурашки по телу пробегали. Потом он вставал в позу, в какой мог стоять только Нарцисс, Аполлон. Больше никто не мог такой позы принять. Он был великолепным партнером. Редким. Рудольф восхищал своей гениальностью".

Его партнершами были знаменитая Лудинская, Шелест, Кургапкина. С Аллой Сизовой они стали лауреатами Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Вене в 1959 году - завоевали первую премию и золотую медаль.

Но не все шло гладко. Слишком он был непохожим на других, слишком независимым и самостоятельным, многое делал по-своему, непривычно для окружающих. Он отказался, например, танцевать в "Дон Кихоте" в шароварах, как это было принято. "Вдруг задерживается спектакль, - вспоминает Галина Иванова-Ступникова. - На 15 минут. На полчаса. И вдруг Нуриев выходит в лосинах. Как Нижинский. Это была революция. Был скандал, руководству это не понравилось. Но то, что сделал Рудольф, не испортило спектакль. Наоборот, обновило его".

Еще во время учебы, а потом в театре, ему постоянно приходилось отстаивать свои взгляды, свой стиль поведения, образ жизни. Его яркая индивидуальность никак не вписывалась в привычный и всеохватывающий советский коллективизм. Это и стало причиной глубокого конфликта.

Все обострилось во время гастролей Кировского театра в Париже летом 1961 года.

23-летний Рудольф Нуриев танцевал прекрасно, он стал фантастическим открытием в мире балета, был звездой на всех спектаклях. Но он не выполнял требований руководства. Нельзя было ходить по одному, еще в Союзе труппу разбили на "тройки", "десятки". А Рудольф ходил один. "Я чувствовал возрастающую угрозу, - пишет Нуриев в "Автобиографии". - Я был подобен птице, попавшей в сеть, и все больше в ней запутывающейся. Я знал: это был кризис. Но птица должна летать. Я не видел ничего политического в необходимости для молодого артиста видеть мир, чтобы сравнивая и усваивая, обогащать свое искусство новыми знаниями для пользы своей страны. Но меня осудили. Мою жизненную программу назвали безответственной, а сопротивление уравнию и неподчинение - опасным индивидуализмом".

Продолжение в "АртФо" № 14.

Бедность

Все необычно в его жизни. Уже самое появление на свет. Он родился 17 марта 1938 года в поезде, мчавшемся вдоль берегов Байкала, недалеко от Иркутска. Мать Фариды-апа с тремя дочерьми ехала на Дальний Восток к месту военной службы мужа.

Перед войной все жили в Москве, а когда отец ушел на фронт, семья эвакуировалась в Башкирию, в небольшую зауральскую деревушку. В 1942 году переехали в Уфу.

Самое яркое воспоминание раннего детства - голод, единственным лакомством была картошка. Мать - в постоянных поисках пищи. "Однажды, - вспоминает Рудольф в "Автобиографии", изданной в Лондоне в 1967 году, - она с этой целью решила навестить дальних родственников, живущих в тридцати километрах от Уфы, была середина зимы. Мать вышла на рассвете и к ночи достигла небольшого леса как раз перед самой деревней. Чувствовала себя совершенно вымученной. Вдруг увидела вокруг себя маленькие желтые огоньки. Сначала не обратила на них внимания. Но желтовато-голубые огоньки приближались. Казалось, что они двигаются парами на некотором расстоянии от земли. И вдруг она поняла, что это голодные волки. Серые отвратительные силуэты окружали ее. Мать сняла с себя шерстяное одеяло, в которое была укутана для защиты от жестокого мороза, и подожгла его. При виде пламени волки поджали хвосты и исчезли.

В некотором роде, - пишет Рудольф, - эта история характерна для нашей семьи".

Тогда все жили трудно. Ели в основном картошку и хлеб, поэтому дети приходили в танцевальный кружок с вздутыми животами, вызывая недовольство педагогов. Семья Нуриевых ютилась в комнате четырнадцать квадратных метров в деревянном домишке на улице Зенцова. Стол, две кровати, на которых спали "валетом", - вот и вся обстановка. Но нуте и уныние не были в семейной традиции. Взрослые работали, дети помогали - у каждого были свои обязанности.

Несмотря ни на что, город был театральным. Своя опера, свой балет. Театр был не просто центром культуры, это было место встреч, общения, радости. В семьях копили деньги на билеты, собирались на спектакль как на праздник, одевались по-театральному - как положено, а не как сейчас.

На Западе с удивлением произносят короткое и непонятное там слово "Уфа": что это за город, который дал миру блистательного танцовщика и хореографа, при жизни ставшего легендой? И засылают в "глухую провинцию" репортеров, журналистов, операторов, записывают воспоминания, пишут книги, снимают фильмы. А мы еще не проснулись и как бы не понимаем, что "достояние мировой культуры" выросло на нашей земле. И опаздываем со всем, с чем только можно: с открытием музея, фонда, фестивалей, конкурсов, тем более - с книгами и фильмами.

Начало

Это был обычный мальчишка. С первого по девятый класс Нуриев учился во второй школе. Ходил с друзьями в кино, убежал с уроков посмотреть ледоход на Белой, играл в волейбол и футбол. "Правда, - вспоминает его друг Альберт Ароланов, - если мяч во время игры попадал к Рульке, он не отфутболивал его, не сделав на нем пируэты или тура". Приходилось выполнять и поручения в семье. Его обязанностью было покупать хлеб, и он всегда ходил с хозяйственной сумкой. Частенько использовал это поручение как повод вырваться из дома на занятия в кружке. Если не успевал купить хлеб, дома доставалось, особенно от отца, который не одобрял увлечения сына, считая танец немужским делом.

А он жил танцем. Когда танцевал, не было никакой скованности, глаза его светились. Не слу-

